

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5>

UDC 128
LBC 87.52

Submitted: 25.03.2024
Accepted: 15.06.2024

TRADITIONALISM AND ONTOLOGICAL INCOMPLETENESS OF THE HUMAN BEING

Elena V. Gill

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

Daniil E. Krapchunov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of traditionalism in the context of human ontological incompleteness. The concept of ontological incompleteness represents man as an ontologically open structure. The authors describe three ways of the human opening to the world: ontological (spiritual, carried out by spiritual practices of traditional religions), ontic (social), and virtual. In culture, there are different ways of representing incompleteness, which can be overcome or corrected. In global reality, the crisis of identity and the sense of increased insufficiency relate to the structural change of personality and identity in a dynamic social reality, where the virtual way of the human opening to the world plays an increasingly important role and types of ontic existence multiply. The response to the increased incompleteness is two post-secular vectors of virtualization – a direct departure into virtuality and traditionalism, the impulse of which is a return to social reality in some form taken from the past that would promise rootedness, namely, into tradition and a return to religion in inextricable connection with its national carrier. In the light of the concept of ontological incompleteness and based on field research of traditionalism in Russia and other countries, the authors explicate traditionalism as the virtualization of reality and manipulative substitution of the ontological with the ontic. The peculiarity of traditionalism as a worldview and ideology is that it represents tradition itself as a value, whereas it is a construct for the preservation and transmission of values. It is shown that traditionalism is the most radical cultural form of the return of the cultural content of the historical past, which is represented to be a spiritual need. However, these forms are outdated, not constructive, and addressing them instead of overcoming incompleteness turns man into a self-sufficient structure, which contradicts the fundamental ontological openness of the human being.

Key words: ontological incompleteness, tradition, traditionalism, spiritual practice, religion.

Citation. Gill E.V., Krapchunov D.E. Traditionalism and Ontological Incompleteness of the Human Being. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 41-49. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5>

УДК 128
ББК 87.52

Дата поступления статьи: 25.03.2024
Дата принятия статьи: 15.06.2024

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Елена Владимировна Гилл

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация

Даниил Евгеньевич Крапчунов

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена феномену традиционализма в контексте онтологической недостаточности человека. Концепция онтологической недостаточности представляет человека как онтологически раскрытую

структуру. Авторы описывают три способа размыкания человека: онтологический (духовный, осуществляемый духовными практиками традиционных религий), онтический (социальный) и виртуальный. В культуре существуют разные способы репрезентации недостаточности, которая может преодолеваться или корректироваться. В глобальной реальности кризис идентичности и усиление чувства нехватки связаны с изменением структур личности и идентичности в динамичной социальной реальности, где всё большую роль играет виртуальный способ размыкания человека к миру и множатся виды онтического бытия. Ответом на усиление нехватки становятся два постсекулярных вектора виртуализации: прямой уход в виртуальность и традиционализм, импульсом которого является возвращение к социальному в такой его утерянной форме, которая бы обещала укорененность, а именно в традицию; возврат к религии в неразрывной связи с ее национальным носителем. В свете концепции онтологической недостаточности и на основе полевых исследований явлений традиционализма в России и других странах авторы эксплицируют традиционализм как виртуализацию реальности и манипулятивную подмену онтологического онтическим. Особенность традиционализма как мировоззрения и идеологии состоит в том, что он представляет саму традицию в качестве ценности, тогда как она есть механизм сохранения и передачи ценностей. Показано, что традиционализм представляет собой наиболее радикальную культурную форму возврата структур исторического прошлого, которое представляется духовно необходимым. Однако эти структуры являются отжившими, не конструктивными, и обращение к ним вместо преодоления недостаточности превращает человека в самодостаточную структуру, то есть противоречит принципиальной онтологической открытости человека.

Ключевые слова: онтологическая недостаточность, традиция, традиционализм, духовная практика, религия.

Цитирование. Гилл Е. В., Крапчунов Д. Е. Традиционализм и онтологическая недостаточность человека // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 41–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.2.5>

Взгляд на человека как на существо недостаточное обоснован тем, что человек, движимый чувством неудовлетворенности, принужден от рождения преобразовывать внешний мир. Неудовлетворенность в той или иной форме сопровождает человека на протяжении всей жизни. Само рождение, в момент которого человек навсегда теряет комфортное единство со средой, свойственное перинатальному периоду, актуализирует границу со средой, через которую путем личных усилий нужно переходить для удовлетворения потребностей.

Начиная с рождения человек всегда нуждается в чем-либо: в пище, жилье, внимании, признании, самореализации, в эмоциональном самовыражении, а также в личном пространстве и одиночестве, которое может быть недоступно. При этом исправить личный сценарий очень трудно, и внешнее, событийное изменение не обеспечивает избавления от неудовлетворенности и невротической зависимости от объектов потребности, не позволяет перейти к длительному переживанию достаточности, которое было бы не сиюминутным моментом, а состоянием сознания. Конечно, фундаментальные потребности беспрерывно возникают снова, и природа делает нехватку принципом жизни. Но человек, кроме этого,

стремится к повышению качества удовлетворенности жизнью, выходит за границы необходимой биологической и социальной нормы выживания и даже делает саморазвитие и цель неотъемлемыми принципами экзистенции как способа человеческого бытия. Человек превосходит остальных животных не только в успешности приспособления к действительности, но и в неутолимости жажды восполнения нехватки, в постоянном преумножении и разнообразии всех видов нужды. Человек склонен к чревоугодию, тщеславию, убийству ради спорта, к символической зависимости от вещей и тяге к потреблению, которая нацелена не на функциональное использование вещей, но только на их символическое участие в построении социальной идентичности и поддержании чувства собственной значимости. Диагноз булимии в психиатрии иллюстрирует явный пример недостаточного бытия, когда влечение к пище происходит не вследствие голода, но по причине травматической незавершенности гештальта, из-за потребности, которая либо оставалась неудовлетворенной в течение долгого времени, либо привела к сильному переживанию и была «вытеснена» в область бессознательного. Булимия может встречаться и у животных, но у человека она связана не только с недоеданием, и ее причиной

может быть любое неэффективное взаимодействие со средой. Булимия можно рассматривать как иллюстрацию неустроенности, неприкаянности бытия человека, невозможности исполнения его желания обрести постоянное счастье и блаженство.

Человеку, помимо функциональной нехватки, которая относится к биологической и социальной сферам, охватываемым понятием «онтическое бытие», свойственна онтологическая недостаточность, которая не примыкает ни к какой отдельно взятой топике компенсации и может быть обозначена как неопределенность бытия до целостности. Недостаточность человека – термин более фундаментальный, нежели «нехватка», потому что он указывает на фундаментальную характеристику существования, всегда неопределенного, незавершенного, развивающегося, частичного, расколотого, или, в теологической терминологии, – бытия падшего, от-падшего от Бога. Недостаточность как частичность бытия и прерывание связи с целым есть основной момент религиозной сотериологии, где человек есть онтологически раскрытая структура, стремящаяся к преодолению своих границ, разомкнутая к иному, превосходящему ее бытийному модусу, по сравнению с которым она имеет редуцированный характер.

Согласно исследователю православной духовной практики исихазма С.С. Хоружему, существуют три способа размыкания человека: онтологический, онтический и виртуальный. Только в онтологической топике реализуется «размыкание в бытии, к иному способу бытия... эталонными примерами которого служат духовные практики» [Хоружий 2013, 54]. Опираясь на исследования С.С. Хоружего, духовной практикой мы называем практическую реализацию стремления человека к Инобытию. Это стремление проявляется на метаантропологическом уровне, через преодоление конечности и смертности как характеристик, обозначающих предельные границы бытия человека. Разработка «органа» духовной практики производится религиозным сообществом в течение жизни нескольких поколений, и это сообщество является духовной традицией. Эффективность духовной практики может быть «проверена» опытом не одного или нескольких представителей традиции,

но целой системой доктрины, метода и опыта, которая составляет традицию и содержит эзотерическое знание, ядро духовной практики.

Особенность риска жизни современного человека заключается в том, что он идет не извне (из природы или общества), а изнутри, проявляясь в модификации антропотипов [Хоружий 2015]. Ответом на усиление нехватки становятся два постсекулярных вектора виртуализации: прямой уход в виртуальность и традиционализм. Импульсом последнего является возвращение «домой» (словами Хайдеггера), к социальному в такой его утерянной форме, которая бы обещала укорененность, а именно, к религиозной традиции в ее национальном проявлении.

Мы согласны с тем, что традиционализм – это «социально-философская доктрина или отдельные консервативно-реакционные идеи, направленные против современного состояния культуры и общества и критикующие это состояние в связи с его отклонением от некоего реконструированного или специально сконструированного образца, который выдается за исторически изначальную, а потому идеальную социокультурную модель, сохраняемую в корпусе особого знания» [Макаров, Пигалев 2002, 183].

Традиционализм и, прежде всего, интегральный традиционализм как явление современности был и остается объектом и предметом серьезных научных исследований [Элиаде 2000; Быстров 2001; Макаров 2001; Дугин 2002; Sedgwick 2004]. Предметом нашего исследования является тот аспект традиционализма, который демонстрирует взгляд на традицию извне и проявляется в виде консервативной идеологии, связывающей традицию с духовностью.

В данном отношении важно различие Традиции и традиции. Традиция как духовная практика, о которой писал Хоружий, есть такой процесс на онтологической границе, который актуализирует взаимодействие (размыкание) человека с Иным способом бытия, тогда как в онтическом размыкании к миру наличного, или сущего, Иное остается недоступным, либо его место занимает область Бессознательного. Духовные Традиции, такие как исихазм, суфизм, йога и даосизм, следует отличать от традиции с маленькой буквы –

как структуры онтического плана бытия. Такая традиция, содержащая правила, регулирующие поведение людей, передающиеся из поколения в поколение, является социальным механизмом транслирования культурного содержания, остенсивной формой культуры.

Традиционализм не может возникнуть в традиционном обществе, так как сама традиция в апологетике не нуждается. Если европоцентризм был естественным видом самопонимания европейской культуры на протяжении многих веков, а многие межрелигиозные конфликты в разных странах – Сирии, Египте, Индии – имеют отложенный характер и являются его следствием, то с наступлением кризиса культуры на рубеже XIX и XX вв. европоцентризм мутирует, и, пережив период секуляризации и мультикультурализма, возвращается в формах традиционализма, который проявляется в попытках возрождения этнических традиций или «традиционной» религии как якобы жизненно необходимого основания культуры и идентичности. Между тем этноцентризм и его российское проявление – православие-центризм – является поздним феноменом постсекуляризма наряду с постструктурализмом в философии и в целом с постмодерном.

В данном случае мы имеем дело с цепью подмен: онтологического – онтическим, духовного – культурным, культурного – религиозным, а религиозного – православным. Православие-центризм является мейнстримом в сегодняшнем российском традиционализме. На учебных и даже на научных мероприятиях часто по умолчанию происходит отождествление православного с духовным. Хоружий отмечает, что вместо термина «традиция» часто предпочитают использовать «еще более неопределенную формулу “традиционные ценности”» [Хоружий 2017, 105]. Примером традиционализма являются псевдонаучные тексты А.Л. Дворкина, который активно употребляет слово «секта» в значении антипода традиционной религии не как научное религиоведческое понятие, а как негативный собирательный ярлык для всех неправославных религиозных организаций (и прежде всего новых религиозных движений – НРД, появившихся на Западе), у которых есть только две общие черты: они являются религиозными

меньшинствами и не нравятся автору. В учебном пособии «Сектоведение» Дворкина используется стиль, далекий от научного или научно-популярного и доходящий временами до уровня брани в адрес «сект», с которыми автор знаком по опыту случайных встреч с отдельными представителями этих движений. Например, утверждается, что «кришнаиты» (употребляется именно это уничижительное прозвище) обязательно постараются при встрече с человеком выманить у него деньги. Есть и еще более агрессивные обвинения, без всяких ссылок на факты: «история показала, что по приказу своих руководителей рядовые кришнаиты, не задумываясь, шли на преступления» [Дворкин web]. Резко негативная оценка учений некоторых известных философов, например, Шивананды, учеником которого был Мирча Элиаде, не подкреплена никакими доказательствами. А.Л. Дворкин явно не знаком с учением Шивананды, которого он безосновательно относит к неоиндуизму. Оценочные суждения, вернее, осуждения, напоминающие охоту на ведьм эпохи Возрождения, легко принимаются многими читателями «Сектоведения» за истину в силу религиозной безграмотности населения, и это провоцирует негативное отношение людей к религиозным организациям, и особенно к НРД, провоцируя межрелигиозную рознь. Виртуальный образ наукообразной деятельности создается благодаря имитации научных методов и подмены понятий словами, а также путем прямого искажения фактов. Не только в России, но и в европейском пространстве в целом, особенно под влиянием антикультового движения, широкое употребление слова «секта» создало одноименный симулякр, несущий, по словам известного английского религиоведа Эйлин Баркер, эмоциональный окрас и не подразумевающий конкретного научно выводимого содержания, а наоборот – формирующий негативное отношение к несуществующему содержанию [What Are New... web].

Поскольку концепт «традиционные ценности» находится на пересечении национального и религиозного, он стал орудием манипуляции традиционалистов. Несмотря на то что в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 [Указ Президента РФ от 09.11.2022... web] под традиционными ценностями пони-

маются те, которые легли в основу российской идентичности, а вовсе не религиозные и не специфически христианские, данные ценности часто связывают исключительно с христианством [Чиркова web; Морозова 2009; и др]. Согласно Конституции РФ Россия – многонациональное государство, все религии которого (как минимум три конфессии христианства, ислам, буддизм, иудаизм и иные религиозные организации) вносят вклад в «культурное наследие». Однако в учебниках по обществознанию, включенных в федеральный перечень ФИПИ, слово «церковь» употребляется как синоним религии («церковь» как один из каналов социальной мобильности и как агент социализации), что прямо исключает, например, ислам, в котором нет церкви [Котова, Лискова 2021]. Конечно, школьник об этом не знает, но тем хуже, что он не может критически отнестись к воспитанию, основанному на шовинистской подмене. Такое выборочное прививание традиционных ценностей взращивает не патриотизм, а национализм и невежество, враждебность и недоверие к другим религиям, и особенно к НРД.

Присутствие концепта «traditional values» в образовании критикуется западными религиоведами, которые находят, что содержание таких ценностей негласно несет христианский смысл. Исследователи отмечают, что очевидна неоспоримая дискурсивная гегемония христианского представления о религии в качестве системы отсчета почти для всего религиозного образования, где христианская позиция подается так, как если бы она была не отдельным мнением, а универсальной точкой зрения на религию. Таким образом, ученик и студент лишается возможности получить светское образование [Alberts 2019].

В России мы можем наблюдать разные формы традиционализма, и общая их черта состоит в идеализации определенного периода прошлого России [Русская Народная... web], которое обладает монополией на особую мораль, потерянную российской культурой (когда именно – возможны варианты: в связи с Крещением Руси, с Октябрьской революцией и т. д.). Яркое проявление российского традиционализма – неоязычество. Здесь следует отметить идею Н.В. Левашова о геноциде русов и русского народа, изложенную

в книге «Россия в кривых зеркалах» [Левашов 2013] и многочисленных выступлениях автора.

Волна возрождения идеи уникальности духовного пути России и «русской идеи» (Ф.М. Достоевский) началась в постсоветский период на фоне падения уровня жизни и потери уверенности в завтрашнем дне и была одним из направлений «религиозного возрождения». Неоязыческие организации, такие как «Покон Рода Всевышнего», «Община Вяичей», не желая различать разные народы славянской языковой семьи, относят себя к некому неделимому абстрактному славянству [Крапчунов 2022, 191]. Феномен «религиозного возрождения» в его проязыческих или же проправославных проявлениях отвечает постсекулярной потребности в укорененности в условиях динамичной реальности и неопределенной идентичности [Литвинцева, Пашедко 2017, 32]. Базируется ли поиск «русской культуры» на дореволюционных народных обрядах, на языческих ритуалах древних славян или на идеализации российской монархии и «православии, самодержавии, народности» – все эти движения демонстрируют выбор определенной традиции с тем, чтобы положить ее в основу концепта развития российской культуры.

На наш взгляд, не принципиально, является ли данная традиция, которой отдается предпочтение, вымышленной или согласуется с историческими фактами. Нет подлинной и неподлинной традиции, так как историческая реальность необязательно является ее основой. По мнению британского профессора, марксиста Эрика Хобсбаума, само появление движения в защиту или за возрождение традиции в любом случае является изобретением традиции, потому что «разрывы в преемственности отличают и те движения, что сознательно подают себя как “традиционалистские” и апеллируют к группам, всеми признаваемым за хранителей исторической преемственности и традиции, например к крестьянам» [Хобсбаум 2000, 54].

Традиция развивается, обретая новые формы, но традиционализм выбирает определенные *отжившие* формы (в противном случае стремление их вернуть не имело бы смысла), старается репрезентировать или ре-

конструировать их, основываясь на том, что «традиция жива», но была либо искажена, либо забыта; но тем самым утверждается прямо противоположное, а именно – что традиция умерла, поскольку живая традиция есть самоочевидная естественная реальность, которая не нуждается ни в поддержке, ни в возрождении. Традиционалисты выбирают культурные формы определенного исторического периода и представляют их как безусловную ценность. Однако ценность – это содержание традиции, а культурные формы – это механизм передачи ценностей, и перенос прежних форм на новое историческое содержание представляет собой виртуализацию традиции, превращение ее в структуру знаков, которые демонстрируют сами себя, то есть в симулякр. Ж. Бодрийяр писал, что симулякром стала реклама, так как из рекламы товара она сама превратилась в товар [Бодрийяр 2013, 122]. С тех пор прошло много лет, и симулякром стала традиция, так как в ней отпала необходимость, и она стала спекуляцией на человеческом страхе перед неопределенностью глобального мира постмодерна. Когда переменные становятся константами, происходит переход от традиции к традиционализму.

Традиционализм является ретроградным движением и социально деструктивен, так как симулирует возрождение более не актуальных форм культуры, которые более не несут содержания, не имеют связи с действительностью. При этом другая часть прошлого, как правило, используется как антипод «подлинной» традиции и подвергается особой критике, игнорирующей совокупность исторических данных. Например, борцы за славянскую нацию и ее исконную веру обвиняют в разрушении славянской веры «чуждое» ей христианство [Крапчунов 2022, 191], тогда как их оппоненты, приверженцы русского дореволюционного православия, демонизируют советский период и представляют его как духовный и социальный регресс, замалчивая очевидные достижения СССР в области науки и культуры.

Разрушительная роль синкретизма религиозного и национального может быть проиллюстрирована на примере Таиланда, где буддизм считается основанием тайской нации и является государственной религией, у которой

есть не только идеологическая, но и финансовая поддержка правительства и короля. В последние десятилетия на фоне ярко выраженной политики традиционализма правящие круги Таиланда щедро финансируют проекты, связанные с возвеличиванием буддизма как основы культуры. Строятся статуи и храмы, которые поражают своими размерами и богатым убранством и привлекают внимание туристов. В Таиланде есть поговорка: «быть тайцем – значит, быть буддистом». Во время интервью, проведенных нами в Таиланде среди его коренных жителей, относящих себя к тайской нации, обратил на себя внимание тот факт, что верующие ссылаются на некий «тайский буддизм», к которому они себя относят, не как на одно из ответвлений буддизма как мировой религии, а как на самодостаточную, отдельно взятую религию, и связывают ее именно с тайской культурой. Путь «истинного буддизма» неотделим от тайской нации и ее истории, что ставит тайцев в особое положение среди других наций, населяющих Таиланд. Исследователь Глубокого юга Таиланда Н.Г. Рогожина пишет: «Религиозные конфликты особенно остры и особенно опасны для государства тогда, когда религиозные различия совпадают с этническими и социальными. Примером могут послужить события на Юге Таиланда, где основное население, малайцы, являются одновременно и национальным, и религиозным меньшинством, активно борющимся против таиландского правительства» [Рогожина 2021, 177]. Несмотря на то что Таиланд является унитарным государством и имеет жесткое в отношении наказаний законодательство, уже привычным паттерном для политической ситуации там стали военные перевороты, и недовольство разных социальных групп держится в том числе на религиозных различиях, при этом оно часто вызвано тем, что ни ярко выраженное социальное неравенство, ни нищета людей с низким социальным положением, вынужденных жить в трущобах, фактически в палатках, и быть «прикрепленными» к Бангкоку, где они могут получать мизерное пособие от правительства, не являются препятствием для все больших финансовых вложений в буддийские религиозные памятники и проекты.

Причинами неугасающей популярности традиционализма являются негативные последствия глобализации, а именно потеря странами экономической и культурной индивидуальности, насаждение единого политического и потребительского стандарта, мировой экономической кризис. Возврат к традиции привлекает как наиболее простой и уже известный вариант решения проблемы «размывания» границ идентичности современного человека. Однако такое действие является шагом назад и не решает проблему, потому что ценности, продвигаемые традиционализмом – это ценности традиционного общества, и они не могут быть конституирующими для современности. Замыкание в собственных культурных границах влечет опасные последствия, такие как нетерпимость к инакомыслию, национализм, национальный и культурный шовинизм.

Проблема традиционализма не ограничивается рамками социального. Рассмотрение традиционализма в контексте понимания человека как существа, разомкнутого в трех измерениях – онтологическом, онтическом и виртуальном – позволяет увидеть традиционализм как виртуализацию реальности. Поскольку традиция, будучи социальным механизмом, бессильна преодолеть онтологическую недостаточность человека и вместе с ней конечность и смертность, то имеет место подмена духовного социальным с целью пропаганды определенной системы ценностей, в которой заинтересованы отдельные социальные группы. Традиционализм как интернациональный феномен глобальной реальности деструктивен и реакционен в отношении общества и антигуманен в отношении человека, так как он превращает человека в самодостаточную структуру и противоречит принципиальной онтологической открытости человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр 2013 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. О.А. Печенкина. Тула: Тульский полиграфист, 2013.
- Быстров 2001 – *Быстров В.Ю.* Человек в мире традиций: монография. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2001.
- Дворкин web – *Дворкин А.Л.* Сектоведение: учеб. пособие. В 2 кн. 4-е изд. М.: Изд-во ПСТГУ, 2024. Кн. II // http://bookscafe.net/book/dvorkin_aleksandr-sektovedenie-153094.html?ysclid=lsaa13ewx0331081903
- Дугин 2002 – *Дугин А.Г.* Философия традиционализма. Серия: Новый Университет. М.: Арктогея-Центр, 2002.
- Котова, Лискова 2021 – *Котова О.А., Лискова Т.Е.* Обществознание. 11 класс. Модульный триактив-курс. М.: Национальное образование, 2021.
- Крапчунов 2022 – *Крапчунов Д.Е.* Практики конструирования этнокультурной идентичности русского народа: от возникновения русской традиции и государственности к современным фальсификациям // *Ортодоксия.* 2022. № 3. С. 175–198. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-175-198
- Левашов 2013 – *Левашов Н.В.* Россия в кривых зеркалах. Киев: Золотой век, 2013.
- Литвинцева, Пашедко 2017 – *Литвинцева Г.Ю., Пашедко Ю.М.* Русская культура как основа национальной идентичности россиян // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2017. № 11 (65). Ч. 1, ноябрь. С. 31–33. DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.018
- Макаров 2001 – *Макаров А.И.* Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // *Диалог со временем.* Альманах интеллектуальной истории. М.: Издательство УРСС, 2001. Вып. 6. С. 275–283.
- Макаров, Пигалев 2002 – *Макаров А.И., Пигалев А.И.* Традиционализм // *История философии.* Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Книжный дом, 2002. С. 183–186.
- Морозова 2009 – *Морозова Е.А.* Традиционные ценности православного этического образования (1811–1917 гг.) // *Ярославский педагогический вестник.* 2009. Т. 59, № 2. С. 110–114.
- Рогожина 2021 – *Рогожина Н.Г.* Проблема Глубокого юга Таиланда – сепаратизм малайских мусульман // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2021. Т. 14, № 1. С. 176–193. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9
- Русская Народная... web – *Русская Народная Линия: О нас* // <https://ruskline.ru>
- Указ Президента РФ от 09.11.2022... web – *Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»* // <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lfnd3f8zp189229472&index=3>

- Хобсбаум 2000 – *Хобсбаум Э.* Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
- Хоружий 2017 – *Хоружий С.С.* Злоключения традиции, или Почему нужно защищать традицию от традиционалистов // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 104–121.
- Хоружий 2015 – *Хоружий С.С.* Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2015. Т. 1, № 1. С. 131–157.
- Хоружий 2013 – *Хоружий С.С.* Как обходиться без бытия, или механика Латона // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 50–67.
- Чиркова web – *Чиркова Н.В.* Традиционные ценности православия в контексте современного российского воспитания и образования // <http://nauch-idea.ru/index.php/arkhiv/16-3-9/154-traditsionnye-tsennosti-pravoslaviya-v-kontekste-sovremennogo-rossijskogo-vozpitanija-i-obrazovaniya>
- Элиаде 2000 – *Элиаде М.А.* Трактат по истории религий. В 2 т. / пер. с фр. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 2000.
- Alberts 2019 – *Alberts W.* Religious Education as Small ‘i’ Indoctrination: How European Countries Struggle with a Secular Approach to Religion in Schools // Center for Educational Policy Studies Journal. 2019. № 9 (4). P. 73–90. DOI: 10.25656/01:18834; 10.26529/cepsj.688
- Sedgwick 2004 – *Sedgwick M.* Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. New York: Oxford University Press, 2004.
- What Are New... web – What Are New Religious Movements. Prof. Eileen Barker // https://youtu.be/ysCYQW_7FMU?si=6n1rz14IQTHQ4QOk
- Krapchunov D.E., 2022. Russian People’s Ethno-Cultural Identity Construction Practices: From the Emergence of Russian Tradition and Statehood to Modern Falsifications. *Ortodoksiya*, no. 3, pp. 175-198. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-175-198
- Levashov N.V., 2013. *Russia in Curved Mirrors*. Kiev, Zolotoy vek Publ.
- Litvintseva G.Yu., Pashedko Yu.M., 2017. Russian Culture as a Basis of National Identity of Russians. *Mezhdunarodniy nauchno-issledovatel’skiy jurnal*, no. 11 (65), pt. 1, November, pp. 31-33. DOI: 10.23670/IRJ.2017.65.018
- Makarov A.I., 2001. Tradition Versus History in the Philosophy of Modern European Traditionalism. *Dialog so vremenem. Almanakh intellektualnoy istorii*. Moscow, Editorial URSS Publ., iss. 6, pp. 275-283.
- Makarov A.I., Pigalev A.I., 2002. Traditionalism. *History of Philosophy. Encyclopedia*. Minsk, Interpresservice Publ., Knizhny dom Publ., pp. 183-186.
- Morozova E.A., 2009. Traditional Values of Orthodox Ethical Education (1811–1917). *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, vol. 59, no. 2, pp. 110-114.
- Rogozhina N.G., 2021. The Problem of the Deep South of Thailand – Separatism of Malay Muslims. *Konturi globalnikh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, vol. 14, no. 1, pp. 176-193. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-9
- Russian Folk Line: About Us*. URL: <https://ruskline.ru>
- Decree of the President of the Russian Federation Dated November 9, 2022, No. 809 “On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values”*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=ltfnd3f8zp189229472&index=3>
- Hobsbawm E., 2000. The Invention of Traditions. *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 47-62.
- Horujy S.S., 2017. The Misadventures of Tradition or Why It Is Necessary to Protect Tradition from Traditionalists. *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 104-121.
- Horujy S.S., 2015. Problematics of Risks of Modernity: Conceptual Foundations and Leading Approaches. *Diogenes’ lantern: The Human Being in Diversity of Practice*, vol. 1, no. 1, pp. 131-157.
- Horujy S., 2013. How to Do Without Being, or the Mechanics of the Lathon. *Voprosy filosofii*, 2013, no. 10, pp. 50-67.
- Chirkova N.V. *Traditional Values of Orthodoxy in the Context of Modern Russian Upbringing and*

REFERENCES

- Baudrillard J., 2013. *Simulacra and Simulation*. Tula, Tulskey poligraphist Publ.
- Bystrov V.Yu., 2001. *Man in the World of Tradition: Monograph*. Veliky Novgorod, NovGU Publ.
- Dvorkin A.L., 2024. Sects Studies: Textbook. In 2 Books. Moscow, PSTGU, book II. URL: http://booksafe.net/book/dvorkin_aleksandr-sektovedenie-153094.html?ysclid=lsaa13ewx0331081903
- Dugin A.G., 2002. *The Philosophy of Traditionalism. Issue: New University*. Moscow, Arktogeysentser Publ.
- Kotova O.A., Liskova T.E., 2021. *Social Studies. 11th Grade. Modular Triactive Course*. Moscow, Nacionalnoye obrazovaniye Publ.

- Education*. URL: <http://nauch-idea.ru/index.php/arkhiv/16-3-9/154-traditsionnye-tsennosti-pravoslaviya-v-kontekste-sovremennogo-rossijskogo-vospitaniya-i-obrazovaniya>
- Eliade M.A., 2000. *Treatise on the History of Religions. In 2 Vols.* Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Alberts W., 2019. Religious Education as Small 'i' Indoctrination: How European Countries Struggle with a Secular Approach to Religion in Schools. *Center for Educational Policy Studies Journal*, no. 9 (4), pp. 73-90. DOI: 10.25656/01:18834; 10.26529/cepsj.688
- Sedgwick M., 2004. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York, Oxford University Press.
- What Are New Religious Movements. Prof. Eileen Barker*. URL: https://youtu.be/ysCYQW_7FMU?si=6n1rz14IQTHQ4QOk

Information About the Authors

Elena V. Gill, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Theology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya Sankt-Petersburgskaya St, 41, 173014 Veliky Novgorod, Russian Federation, novsu.maximova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-4326>

Daniil E. Krapchunov, Candidate of Sciences (Philosophy), Acting Director of the Humanitarian Institute, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Bolshaya Sankt-Petersburgskaya St, 41, 173014 Veliky Novgorod, Russian Federation, krapchunovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7804-9945>

Информация об авторах

Елена Владимировна Гилл, кандидат философских наук, доцент кафедры теологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, 173014 г. Великий Новгород, Российская Федерация, novsu.maximova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5890-4326>

Даниил Евгеньевич Крапчунов, кандидат философских наук, и.о. директора Гуманитарного института, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, 173014 г. Великий Новгород, Российская Федерация, krapchunovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7804-9945>